

Однажды рыбаки не вернулись домой. День начался вполне обычно, с бодрящего восхода солнца в красно-оранжевых тонах, не сумевшего полностью разогнать туман, плотно опустившийся на берега лагуны и окружающие болота. Жены давали своим мужьям завернутые в ткань свертки с обедом и целовали их на прощание, не подозревая, что это будет в последний раз, а затем мужчины деревни собирали свои сети и крабовые ловушки и выходили на воду. Все занялись своими делами, словно завтра все будет так же, как и вчера. Но это было не так. Все уже никогда не будет как прежде.

Даже после полудня, когда дети должны были прекращать играть и возвращаться домой по своим делам, причалы оставались пустыми. Лодки и шлюпы, которые были всем, что мог позволить себе этот город, должны были быть привязаны, а мужчины, проведенные весь день на них, должны были отправиться домой к своим семьям, но они так и не вернулись.

Ни одно судно, ушедшее утром, не вернулось к закату, и тишина была оглушительной. К вечеру вернулись несколько охотников и дровосеков. Однако их рассказы делали отсутствие почти всех остальных мужчин деревни еще более зловещим.

Рассказы выживших немного отличались друг от друга, но все они считали, что в тот день на них охотились. Один старый капканщик сказал, что кто-то невидимый в тени мангровых зарослей весь день не сводил с него глаз. Его выслеживали так же, как он выслеживал свою добычу.

Другой рассказывал, что олень, за которым они гнались, оказался слишком проворным, прежде чем скрылся в тенистой роще, достаточно темной, чтобы спрятать почти любое зло. Что-то заставило охотника отказаться от дальнейшего следования за оленем, и он вернулся домой с пустыми руками, только чтобы узнать, как ему повезло, что он вообще вернулся домой. Лишь те охотники, кто испытал интуитивную вспышку беспокойства, возвращались назад. За один день сонная деревня потеряла треть своих жителей и почти всех самых сильных мужчин.

Конечно, они чувствовали, что за ними охотятся, потому что именно это и происходило. Тьма на болоте устала от того, что медленно теряла свою власть над снами и кровью своих единственных настоящих обитателей. В паутине жизни животных и насекомых, наполнявшей его владения, можно было собрать только немного энергии.

Настоящая сила - способность воскрешать мертвых и менять погоду - требовала жертв, и если в ближайшее время ничего не изменится, вся деревня снова окажется вне пределов достижимости. Это было невыносимо! Оно бы не отказалось от собственного скота. Болото скрежетало бы зубами от досады, если бы не было замуровано в золотом саркофаге.

Свет веры жителей деревни расцвел, а тьма болота померкла. И вот, впервые почти за год, раскопки под башней прекратились. Это было последнее, чего хотело болото, но ничего не поделаешь. Свежая кровь была ему нужнее, чем чувство безопасности, возникавшее после бегства от света.

В последующие дни зомби со всей возможной срочностью отправились в мутные глубины болота. Все до одного они в конце концов ушли, впервые в жизни оставив темное сердце болот открытым и незащищенным. Оно не было обеспокоено. Единственное, что могло ему навредить, - это крошечный участок земли, который он старался обходить стороной. Все остальное в болоте - даже люди - было лишь пищей, ждущей, когда ее съедят, а оно голодало.

Время часто было неуловимо для духа болота. Иногда проходили целые сезоны, и он не замечал, что что-то изменилось, но перспектива крови и плоти заставляла его сосредоточиться на поставленной задаче и разрабатывать план. Он мог просто снова напасть на деревню. У него было достаточно сил, чтобы сокрушить такое ничтожное местечко, а потери будут настолько незначительными, что не будут иметь для него никакого значения.

Потом он снова подумал о храме - об этом омерзительном клочке земли, который помешал ему в прошлый раз, - кто знает, что случится, если он снова нападет на него столь скоро. Нет, оно решило, что лучше убить как можно больше людей как можно дальше от их домов, чтобы они не успели укрыться на этом безопасном островке. Люди думали, что днем они в безопасности, что оно может причинить им вред только ночью. Однако под его мутными водами всегда было темно, и именно там его неживые приспешники терпеливо ждали.

Его слуги стояли там, где рыбы было больше всего, потому что, в конце концов - почти все твари болота теперь тоже принадлежали ему. Когда контролируешь все до мельчайших деталей, очень легко попасться на крючок, и, как следствие, все сети, закинутые в то утро, запутались в гниющих конечностях зомби. Некоторым даже не удавалось вытащить свою добычу на лодку - они просто падали в темную воду, вскоре окрасившуюся еще более темной кровью.

Тем, кому удалось затащить зомби в лодку, пришлось не лучше. Даже если у них было под рукой оружие, никто из них не успевал нанести смертельный удар, как им рвали горло или душили до смерти. Это была мрачная и безмолвная бойня. Все до единого рыбаки погибли в течение одного часа, но кроме болота и его приспешников никто ничего не видел. То же самое было и с большинством лесников. Лишь некоторые из них осознали, что что-то не так, прежде чем попасть в свою собственную засаду.

В течение следующей недели почти все прятались в своих домах и молились своей богине о защите; лишь немногие додумались бежать, пока была возможность. Те, кто бежал из болота, пока оно было занято, были единственными, кто остался в живых. Не имея лодок, они все же сумели пробраться через километры грязи и трясины, покидая все расширяющиеся границы, контролируемые тьмой. Они были счастливчиками - но болото не возражало. Молва распространялась, и эта история привлекала других исследователей и авантюристов, стремящихся разгадать секреты черноводного болота.

Те, кто остался, думали, что это их Бог спасает их от того, что унесло почти всех мужей и отцов деревни, но благословение света лишь сдерживало лихорадку. Те, кто молился о возвращении своих близких, вскоре исполнили свое желание самым мрачным образом.

Однако неделя мира не была благословением. Она была лишь побочным результатом того времени, которое требовалось, чтобы доставить свежие трупы обратно в башню для темных и не имеющих названия ритуалов, позволяющих увеличить численность армии почти вдвое. Под башней ритуалы происходили каждую ночь, болото вливало свою темную магию в трупы своих последних жертв и оживляло их.

Каждый вечер на кровавой септаграмме в самом центре лабиринта выкладывался ряд из залитых водой трупов, и каждую полночь новый авангард его слуг восставал к жизни. Они не желали и сопротивлялись этому процессу, стремясь лишь к сладкому освобождению в смерти, но выбора у них не было. Их души могли вихриться и бороться, но в конце концов все они были вынуждены подчиниться своему новому хозяину.

Смертельные стоны и нечеловеческие песнопения тянули их обратно в свою плоть, пиная и крича; они ничего не могли сделать, чтобы остановить это. Болото заставит их трудиться еще десятилетия или столетия, но только после того, как в ближайшие дни оно вынудит их убивать собственных друзей и соседей. Горе и страдания собственных слуг болота питали его почти так же, как и их убийства. Даже сопротивляясь, они подпитывали то, что ненавидели больше всего.

Но как только тьма наступила. Когда ее армия двинулась в путь, только территория храма стала по-настоящему безопасным убежищем. Ни одно из других зданий в деревне не было достаточно прочным, чтобы долго сдерживать непримиримого врага. Поэтому на девятую ночь, после исчезновения людей, они наконец появились в деревне, когда все уже спали.

Как единое целое, болото снова поднялось из воды в виде прилива гниющей плоти, намереваясь разрушить деревню и забрать себе все до последней души. Все двери были закрыты, а окна заколочены, но толку от этого было мало. Как только начались крики, они не прекращались часами. Каждый дом звал на помощь своих соседей, но все они были слишком заняты своими собственными сражениями, чтобы спасти кого-то еще. Это была самая большая трагедия, которую когда-либо видело это болото, но темный дух болот наслаждался ею.

Это была ночь криков и борьбы, когда зомбированные трупы возвращались домой, чтобы пожирать и убивать своих близких. Некоторые семьи даже открывали двери для своих близких, что ускоряло процесс убийства. Это было мерзкое зрелище, на которое ни один здравомыслящий человек не мог смотреть без разрыва сердца.

Темнота болота не имела чувств. Она была лишь золотой оболочкой вокруг мумифицированных останков сломленного мага. Ее интересовали только страх и боль, и сегодня она напилась ими досыта. Единственное, что было лучше крови другой жертвы, - это муки женщины, задушенной зомбированным трупом того, кто когда-то был ее любящим мужем. Это было восхитительно нечестиво, и болото жалело лишь о том, что ему пришлось уничтожить их всех за одну ночь, а не возвращаться, чтобы делать это снова и снова.

Утром в память о его уходе остались только пятна крови и разбитые окна, а также шестеро выживших, забившихся в древний храм на холме. Любовь их Бога могла спасти их от зла болота, но она ничего не могла сделать, чтобы защитить их от голода. Через несколько дней им пришлось сделать страшный выбор: бежать, пока есть силы, или умереть от голода, ожидая помощи, которая никогда не придет.

Тех, кто покинул храм и попытался добраться до проходящего по реке корабля за помощью, больше никогда не видели, а те, кто остался, могли утешаться лишь тем, что их тела не восстанут вновь, дабы служить болоту после их смерти. Объятия света могли спасти их души, но ничего не могли сделать для спасения их жизней.

Все остальные были утащены в глубины для темных и неопишуемых целей, и каждому из них предстояло возродиться в безвольной загробной жизни. Сильные превращались в новых зомби, а остальные - в других, гораздо более чуждых целях. Огромное количество воскрешений, проведенных им за последнее время, дало призраку множество идей для будущих экспериментов, и он жаждал исследовать еще более отвратительные кощунства, чем те, что он совершил до сих пор.

Город был разграблен до нитки. То небольшое золото и серебро, что было у простых людей, было утащено в темные кладовые болота, а все железные и стальные инструменты были добавлены в запасы, которые понадобятся Тьме, продолжающей строить свой истинный дом - лабиринт. Ни один живой глаз не видел лабиринта, но чем глубже уходили его корни в подстилающую породу, тем больше была уверенность, что никто и никогда не выживет, чтобы сказать, что они его видели.